

DOI: 10.25629/RMPJ.2024.04.02

УДК: 159

ВОЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УРОКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Караяни А.Г., Кийко А.Ю.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация

В статье анализируется процесс рождения военной психологии как науки и практики в годы Русско-японской войны. Исследуется опыт организации медико-психологической помощи участникам войны. Показываются направления исследовательской деятельности военных ученых военного времени. Раскрывается организаторская работа первых военных психологов. Вскрываются психологические проблемы Русско-японской войны. Выводятся уроки из Русско-японской войны для сегодняшней военной психологии.

Ключевые слова

Русско-японская война, военная психология, зарождение военной психологии, история военной психологии

Об авторе

Караяни Александр Григорьевич,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры военно-политической работы Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации

Кийко Андрей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент, начальник Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации

Актуальность (контекст) тематики статьи

В 2025 г. исполняется 120 лет окончания Русско-японской войны (1904–1905 гг.)¹. Эта война занимает особое место в истории военной психологии. С полным основанием можно говорить о том, что именно в горниле Русско-японской войны родилась военная психология, определились основные направления приложения психологической науки к боевой деятельности войск, сформировались и практически апробировались первые технологии военно-психологической практики.

¹ Русско-японская война (яп. 日露戦争 нити-ро сэнсо: 27 января (9 февраля) 1904 – 23 августа (5 сентября) 1905) – война между Российской и Японской империями за контроль над Маньчжурией, Кореей и Жёлтым морем. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русско-японская_война (дата обращения: 7.12.2024).

Актуальность анализа опыта более чем столетней давности состоит в том, что он убедительно свидетельствует о непреходящей важности и ценности военной психологии для воинской (в первую очередь, для боевой) деятельности, определяет возможности, направления и принципы приложения военной психологии к боевой практике войск. Ценность военно-психологического опыта Русско-японской войны состоит и в том, что в нем отразились наиболее важные и непреходящие психологические особенности войн, ведущихся отдельными контингентами сильного в экономическом отношении государства против более слабого противника, в ходе которых имеет место психологическая недооценка противника, войн не популярных, находящихся на периферии общественного сознания. Именно такие войны преобладают в мире во второй половине XX в. – начале XXI в. Понимание психологической феноменологии таких войн позволит психологии выполнить ее важнейшую миссию – вспомоществовать человеку, находящемуся в крайне экстремальных условиях жизнедеятельности, на грани жизни и смерти.

Цель статьи состоит в том, чтобы дать ответы на вопросы: 1) каковы основания утверждать, что именно Русско-японская война явилась колыбелью мировой военной психологии 2) какова ценность военно-психологического опыта, обретенного в годы этой войны, 3) какие уроки может извлечь из этого опыта современная военная психология?

Статья основана на результатах изучения и логико-семантического анализа научной литературы, документов и интернет-материалов, посвященных исследуемой проблеме.

Результаты исследования

Исследование показало, что в годы Русско-японской войны и ближайшее время после нее русскими военными специалистами (врачами, психиатрами, командирами), которые называли себя психологами, были поставлены и рассмотрены важнейшие вопросы, составляющие предметное поле, цели, задачи, методы военной психологии. Впервые в истории было проведено масштабное исследование психических состояний военнослужащих на различных этапах боевых действий, важнейших детерминант боевого поведения, определены и практически реализованы задачи эшелонированной психологической помощи участникам боевых действий, создано первое в мире военно-психологическое сообщество, налажено систематическое публичное обсуждение важнейших военно-психологических проблем, защищена первая диссертация по военной психологии.

Полученные в исследовании результаты позволяют констатировать, что в годы Русско-японской войны в России зародилась военная психология, как область специальной теории и практики. Опыт военной психологии, обретенный в годы войны и сегодня обладает высокой актуальностью, теоретической и практической значимостью. Современная военная психология призвана извлечь важнейшие уроки из военно-психологического опыта Русско-японской войны.

В ходе проведенного изучения поставленной задачи установлено, что несмотря на судьбоносную роль Русско-японской войны в истории военной психологии, она не находится в фокусе военно-психологических исследований. Можно назвать лишь несколько работ, посвященных анализу военно-психологических аспектов этой войны. Среди них выделяется серия трудов участника Русско-японской войны Г. Е. Шумкова, в которых дана развернутая картина психических переживаний, особенностей поведения и психологических проблем военнослужащих на разных этапах боевых действий, очерчиваются теоретико-методологические конуры военной психологии [22–33]. Яркой и, пожалуй, единственной отдельной крупной военно-психологической работой, посвященной изучению психических состояний участников боевых действий, явилась книга еще одного ветерана этой войны, К. И. Дружинина «Исследование душевного состояния воинов в различных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904–1905 гг.», вышедшая в 1910 г. [8]. Ключевые направления приложения психологического знания к практике решения боевых задач исследовали Феденко Н. Ф. и Раздубов В. А. [19]. А. Г. Караяни раскрывают содержание военно-психологической психологической

практики в годы Русско-японской войны, доказывается, что ее достижения и последующее осмысление явились достаточным основанием для признания ее в качестве самостоятельной отрасли психологии [10].

Кроме этого, к психологическим аспектам Русско-японской войны обращались представители других научных отраслей. Так, масштабный историко-психологический анализ психологических предпосылок, общего психологического фона, на котором развивались события войны, представлений, оценок, чувств и психических состояния участников боевых действий предпринят Е. С. Сениявской [18]. А. А. Макичан [16], также с исторических позиций исследует причины душевных расстройств, проблемы, связанные с призрением такого рода больных, анализирует статистические данные из материалов госпиталей в Харбине. В. А. Кукреш и В. А. Прокаева [14] предпринимает культурологический анализ психологического содержания плакатов времен Русско-японской войны как средства информационно-психологического воздействия.

Исследованию целей, организационных схем и методов психиатрической помощи в годы Русско-японской войны посвящено несколько военно-медицинских трудов [5; 20; 21].

Анализ русско- и англоязычной психологической, исторической и военной литературы, интернет-ресурсов показал, что психологические аспекты Русско-японской войны остаются крайне слабо разработанными в отечественной и зарубежной науке.

Ведущие отечественные учебники по военной психологии советского и российского периода ее развития практически не уделяли специального внимания рассматриваемому этапу.

В японской психологии, ведущей свою историю с 1870 г., как «наука о познании сердца», где экспериментальная психологическая лаборатория была создана уже в 1903 г., первая кафедра психологии (в Токийском университете) – в 1904 г., а первые выпускники-психологи получили дипломы в 1905 г., годы Русско-японской войны в исторических обзорах и обобщающих таблицах зияют пустотой [33; 35].

В современных учебниках по военной психологии, подготовленных многонациональными авторскими коллективами [34; 36], анализ психологического опыта Русско-японской войны, как и вообще опыта организации психологического обеспечения боевых действий российских военнослужащих отсутствует. Одно из немногих исключений составляет работа американского профессора Р. Габриэля «Героев больше нет» [4], в которой достаточно подробно раскрывается схема психолого-психиатрической помощи, созданная во время войны в Русской армии и делается вывод о том, что именно благодаря деятельности русских военных врачей родилась военная психиатрия.

Таким образом, степень научной осмысленности военно-психологического опыта, выросшего на почве Русско-японской войны, не отвечает масштабу исследуемого события и его развернутый анализ, выведение из него необходимых и актуальных уроков, представляется своевременным и важным.

Между тем, проведенный анализ показывает, совокупность теоретических положений, сформулированных в ходе и по материалам Русско-японской войны, опыта практического решения конкретных военно-психологических задач, результатов организаторской деятельности военных психологов позволяет констатировать, что именно в годы Русско-японской войны, в России, родилась мировая военная психология.

Необходимо отметить, что еще до Русско-японской войны прозорливые исследователи, искренние поборники идеи о необходимости разработки военной психологии выразили свои идеи в первых военно-психологических трудах. Среди них, например, можно назвать Адран Дю Пик [1], Компеано [11]. Однако перечисленные работы, при всей их эвристичности, являются лишь гипотетическими построениями авторов.

Русско-японская война стала своеобразной лабораторией по выдвижению и эмпирической проверке смелых и прорывных военно-психологических идей. Это было обусловлено следующими обстоятельствами.

С самого начала войны сработал мощный психологический механизм, который сегодня можно квалифицировать как «разрыв стереотипа». Россия вступала в войну, которая в общественном сознании представлялась как «маленькая победоносная война», жизненно необходимая России, чуть ли не полицейская операция по приведению в порядок «недоразвитых азиатов», «варваров», «дикарей», «макак». Очевидное превосходство противника в районе боевых действий в численности личного состава и в оружии считалось несущественным и легко компенсируемым «русской решимостью и отвагой». Возможности российских войск неоправданно переоценивались. [18, с. 50, 281–282].

В результате во всех звеньях военного управления нередко отмечались «шапкозакидательские» настроения, безответственность. При разработке планов боевых операций и отдельных боев некоторые командиры не имели должного представления об организации, тактике действий, вооружении противника, об особенностях тактики ведения боевых действий в горной местности; не обращали серьезного внимания на боевые, технические и психологические факторы. При ведении боевых действий в горах использовались тактические формы и приемы, характерные для равнинной местности. В штабах не заботились о достаточном количестве переводчиков с японского и китайского языков [8, с. 44].

Многие офицеры и солдаты не утруждали себя «умственной тактической работой (леность мозга)». Например, при перемещении войск «большинство шло и ехало, не интересуясь местностью, не приглядываясь к ней, не сверяясь с картой, не принимая и не поддерживая всяких мер предосторожности и готовности; поэтому войска двигались как стадо, как толпа, до самого получения приказа для перестроения в бой. При такой обстановке психика всех бойцов вообще становится хуже...» [8, с. 44].

Главнокомандующий сухопутными и морскими вооружёнными силами, действующими против Японии, генерал А. Н. Куропаткин, оценивая качество командного состава русской армии, писал, что нередко люди с сильным характером, люди самостоятельные, в России не двигались вперёд, а преследовались; в мирное время они для многих начальников казались беспокойными. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди бесхарактерные, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всём соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперёд [15].

Дивизионный врач В. П. Кравков в своем дневнике отмечал, что в русской армии процветали «интрига, несогласие среди начальствующих лиц, коими назначаются люди не по достоинству, а по протекции и влиянию тетенек, маменек и всех прочих... Хаос в командной части – невероятный... Единодушное мнение компетентных лиц, что война нами ведется преотвратительно и начата без надлежащей организации обоза, снаряжения и проч.» [18, с. 283]. В результате вскоре в действующей армии настолько распространились настроения недовольства командованием, что пришлось принимать специальные, порой даже нелепые меры. По свидетельству участников войны всюду (на станциях и других местах) были развешены плакаты, строго воспрещающие публичную критику действий начальствующих лиц под угрозой больших наказаний [18, с. 283].

Вопреки ожиданиям легкой войны наши войска столкнулись с сильным, умным, коварным, инициативным, выносливым, психологически стойким противником. Японские генералы, офицеры и солдаты демонстрировали массовую самоотверженность. Л. Л. Байков так описывал психологическую технологию формирования такой самоотверженности у японских военнослужащих. Японец, отправляющийся на войну, порывает все связи с домом и семьей и совершает над собой обряд «погребения». Он для семьи и семья для него как бы умирают, перестает существовать. Поэтому японец остается спокойным во время высшей опасности. «Он совершенно отдалается от своих чувств, от своего тела. Все понятия, относящиеся к собственному «я», отпадают, остается лишь ясное, холодное действие рассудка,двигающее его вперед, – для победы или смерти», когда сводится «к минимуму ценность жизни... смерть уже не является страшной»... «Вот почему, японские войска, глубоко сознавая важное значение для их родины совершаемого ими подвига, действовали... с невиданным еще ни в одной армии упорством и самоотвержением» [2, с. 98].

У противника, который в российских социальных стереотипах представлялся ничтожным, на вооружении «неожиданно» оказались миноносцы, броненосцы, пулеметы, дальнобойная артиллерия, которые по своим тактико-техническим характеристикам порой превосходили российские аналоги.

Несмотря на врожденное мужество и стойкость русского солдата, Русско-японская война оказалась не «торжественной прогулкой» и даже «не рядом возвышающих душу боев, а сплошными тяготами бивуачной, походной, сторожевой службы с их трудностями, лишениями, болезнями и потерями». Выяснилось, что такие «войны выигрываются не лихими, самоуверенными наскоками и распущенными знаменами, а настойчивым измором врага, нередко подвергаясь крайнему истощению, неудачам и даже поражениям, захлебываясь порой в крови» [22, с. 76].

Потери в войне оказались поистине огромными. По данным Большой советской энциклопедии потери Японии составили 135 тыс. убитыми, умершими от ран и болезней и около 554 тыс. ранеными и больными. Потери России составили 400 тыс. убитыми, ранеными, больными и пленными [3].

Неясность целей войны, ее бессмысленность, кровопролитность, неуспешность, большая удаленность театра военных действий от центра политической жизни страны (путь от Манчжурии до Москвы составлял 1,5 месяца), крушение сложившихся мифов о противнике обусловили низкое морально-психологическое состояние и высокий уровень психотравматизации ее участников.

В сложившейся ситуации перед мыслящими русскими военачальниками, военными врачами, теми, кто называл себя психологами, встали задачи, каждая из которых могла бы начинаться с наречия «впервые». Впервые предстояло *осуществить психологический анализ боя, особенностей чувств и переживаний участников боевых действий*.

Важнейшим достижением отечественной военной психологии времен Русско-японской войны стало осознание того, что, современные войны обретают новое, психологическое, измерение и что несмотря на развитие военных технологий, главным орудием войны остается человек. Участник войны Н. А. Корф «победа из области материальной все более и более переходит в область духовную, и нанесение потерь врагу из цели превращается в средство» [12]. По его мнению, путь к победе лежит «не через трупы, а через сердца и головы людей» [13]. Н. Н. Головин, основываясь на материале Русско-японской войны, отмечал, что «Каждый бой, даже доведенный до полного кризиса, кончается отказом от боя одной из сражающихся сторон, т. е. чисто психическим актом» [6].

Отечественные военные мыслители делают вывод о необходимости не только укрепления психических сил воинов, но и их сохранения и своевременного восстановления. Г. Е. Шумков, в связи с этим подчеркивал, что при физическом поражении воин еще не побежден. «Но когда поражена психика, когда душевная сфера бойца убита, тогда и при кажущейся физической целостности боец обессилен окончательно; вся деятельность бойца убита и боец является, можно сказать, психическим мертвецом» [22, с. 9-10].

К реальным достижениям отечественной военной психологии с полным основанием можно отнести *выделение психологической специфики различных видов боевой деятельности*. Активный участник войны и один из первых военных психологов К. И. Дружинин дал развернутую психологическую характеристику наступлению, обороне, отступлению, маршу, ожиданию боя. В частности, он показал, что «при наступлении самочувствие бойцов приподнято». «Подъем духа огромный, и физические силы удесят�еяются, вследствие чего можно рассчитывать на значительное форсирование сил». «При обороне психика бойцов стоит ниже, ибо обороняющийся знает, что противник сильнее его, что он диктует ему свою волю». «Отступление понижает психику. Неожиданное обстоятельство, делающее, при наступлении бойцов более нервными, при отступлении может иногда, и даже легко, вызвать панику» [8, с. 15, 16, 61]. На основании этих положений автор делает вывод о том, что японцы, владея инициативой, в большинстве случаев имели психологическое преимущество над нашими войсками.

В ходе войны началось масштабное исследование *психических состояний воинов в различных видах и обстоятельствах боя* (перед боем, в бою, после боя, под артиллерийским огнем и т. д.).

Военным врачом, психиатром, первым военным психологом Г. Е. Шумковым было установлено, что *доминирующим состоянием воина перед боем* является не страх, как это считалось ранее, а *«тревожное ожидание»*. Шумков [28; 31] дал первую развернутую характеристику тревоги (табл. 1).

Таблица 1 – Психологическая характеристика тревоги, переживаемой участниками боевых действий (по Г. Е. Шумкову)²

Сферы проявления тревоги				
Когнитивная	Аффективная	Мотивационная	Психо-физиологическая	Поведенческая
- непрерывный поток мыслей; – трудность сосредоточения (мысли прикованы к тому, «что будет»); - мысленная подготовка ко всем возможным ситуациям боя, которые представляются ему в уме и воображении; - ослабление внимания; - появление сомнений в принимаемых решениях (при длительных переживаниях); – нарушение восприятия времени (кажется, что оно тянется слишком медленно); – ухудшение процессов запоминания и воспроизведения информации.	- напряжение, ожидание чего-то тяжелого, трудного («настроение»); – лабильность настроения (от неприятно-томительного до повышенно-веселого); – яркие образы, связанные с ожидаемым; – глубокая озабоченность; – первые выстрелы или появление противника способствуют снижению эмоционального напряжения.	- желание скорее идти в бой и «пустить будет, что будет».	- учащение сердцебиений до 125 ударов в минуту (при норме – 72); – учащение дыхания до 30 вдохов и выдохов в минуту (при норме – 18); – повышение температуры тела до 39°C (при норме 36,6°C); – повышенное потоотделение.	- суетливость; – излишняя говорливость; – частое курение; – стремление сбросить верхнюю одежду даже в морозное время; – повышение внушаемости и конформности.

Л. Л. Байковым, К. М. Вольфом, В. Н. Полянским и Г. Е. Шумковым впервые дано классическое описание *состояния военнослужащего, переживаемого в бою*.

Так, военачальник и один из организаторов отечественного военного образования К.М. Вольф, анализируя опыт Русско-японской войны, установил, что в период атаки психическое состояние воина существенно меняется. Воин идет в атаку в своеобразном трансе – в особом нервном состоянии, которое Вольф назвал шоком. Это состояние – не полная выключенность, потеря чувствительности и заторможенность нервной системы. Оно похожее на опьянение, всецело поглощающее все существо воина. В этом состоянии человек действует без явного контроля сознания, он подобен выпущенной пуле [10, с. 49].

Офицер Генерального штаба Русской армии Л. Л. Байков отмечал, что участники боевых действий порой забывают окружающую обстановку и повинуются какой-то неведомой внутренней

² Сферы проявления тревоги выделены нами: *Караяни А. Г.* Военная психология. В 2 ч. Часть 1 : учебник и практикум для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2016. Кн.1. С. 49.

силе, влекущей их помимо воли и желания. Постепенно, с нарастанием опасности, происходит своеобразное «психическое брожение», усиливается стремление к психическому объединению масс. Перед атакой это единство достигает апогея, боец теряет свою индивидуальность и становится неотделимой частицей этой массы, со всеми присущими массовому бойцу положительными и отрицательными качествами. Этот момент Байков называет «кризисом боя» [2].

Один из первых отечественных военных психологов, военный инженер В. Н. Полянский писал, что в период сближения с противником войны превращаются в своеобразные автоматы. Под умелым руководством они способны проявлять такую стихийную силу, самоотверженность и героизм, что никакие преграды на их пути не смогут остановить их стремления [17, с. 38].

«Усреднено» психическое состояние воинов *после окончания боя* характеризуется следующими особенностями. Их мыслительные способности и самообладание восстанавливаются постепенно. Отмечается отсутствие эмоций, повышенная сонливость. Отмечается желание лечь и отдохнуть от усталости, утрачивается аппетит. Избегаются контакты взглядами. Взоры направляются на пустые места. Воины могут неподвижно смотреть в какую-либо точку, и о чем-то думать, глубоко вздыхать, отвечать на вопросы односложно. Воины нередко уединяются, становятся раздражительными, конфликтными, не могут удержаться от слез. Ночью им могут сниться кошмарные сны с картинами боя, гибели товарищи. Воины просыпаются, вскрикивают, совершают бессмысленные движения. В таком состоянии нередко возникает паника по самым незначительным причинам. Описанное состояние, резко проявляясь в первые дни после боя, постепенно сглаживается в течение примерно двух недель и более [30].

Тяжелая и тягостная обстановка войны надоедала, приедалась, давила тяжестью боевой, походной жизни. Обстановка казалась тягостной особенно из-за неизвестности, отсутствия ясной цели войны цели и недоверия к общему руководству боевыми действиями. Система подхлестывания войск «на всякие частичные рекогносцировки, разведки, нападения и тревожение противника, при условии соприкосновения с армией противника, засевшей в укреплениях, служила лишь замаскированию общей бездеятельности, напрасному утомлению войск, напрасным потерям людей и снарядов, развратному рекламированию не существовавших геройств, сводившихся к поощрению шарлатанов и шантажистов, не истинной доблести» [8, с. 81, 83].

В связи с этим среди русских воинов, особенно среди офицеров, широко распространилось пьянство. Бытовало мнение, что успехи японцев в значительной степени связаны с употреблением алкоголя. В связи с этим возникла необходимость оценить характер влияния алкоголя на боеспособность и боевую активность военнослужащих. На основе глубокого изучения этого вопроса Г. Е. Шумков делает следующие выводы о том, что у воинов, употребивших перед боем алкоголь, в ходе боя: развивается физическая слабость; воин плохо владеет собой, быстро устает, становится внушаемым, подчиняется поступкам и движениям других; скорее развивается страх, который распространяется на окружающих; сужается поле зрения, снижается тонкость зрения и слуха, точность расчета, способность владеть оружием (сила, точность и скорость ударов), выносливость; повышается кровотечение при ранении и раны заживают медленнее и болезненнее, чем у трезвенников [26].

К. И. Дружинин, по этому же поводу, отмечал, что надеяться на полезное воздействие алкоголя нельзя, и что в армии должно быть как можно меньше алкоголя. А спиртное, принятое начальником, может причинить неисчислимые бедствия и напрасные потери [8].

Мощное давление войны обусловило невиданные ранее масштабы психологических потерь в Русской армии. По оценкам одного из наиболее активных строителей системы психолого-психиатрической помощи в годы Русско-японской войны Х. Ш. Боришпольского «число душевнобольных на театре войны, включая и дальний тыл, за 1904 и 1905 годы нужно считать равным 2373» [21]. Этого уже нельзя было просто игнорировать и не учитывать. Однако для того, чтобы оказать им помощь, военным врачам предстояло решить ряд непростых задач.

Во-первых, нужно было изменить общественное мнение о природе психической травмы. В то время душевнобольных в армии и обществе нередко рассматривали как симулянтов, стремящихся любым способом избежать участия в боевых действиях, подвергали насмешкам и

презрению [20]. Конкретных решений по оказанию помощи душевнобольным не принималось. В лучшем случае они располагались в общих госпиталях, при наличии в них мест (в последнюю очередь).

Тот факт, что военным психиатрам удалось доказать военному руководству, что психотравмированные воины являются действительно больными, стал важнейшим достижением военной психиатрии.

Во-вторых, остро вставала задача выработки хотя бы общего, рабочего, представления о военных психозах. Русские психиатры по итогам войны предложили несколько подходов в этой области [19]. Г. Е. Шумков, лично осуществляя оценку психических состояний психотравмированных воинов, разработал свою классификацию – «практическое подразделение душевных заболеваний на войне». По его мнению, она была призвана дать «верное суждение о том, как отражается служба на душевном здоровье солдата» и поможет установить «при каких обстоятельствах и в какой части войска, или в каком районе учащаются или уменьшаются случаи душевных заболеваний, а отсюда и профилактика, и изучение душевных расстройств в действующих войсках. Шумков предложил подразделить практически все психозы на следующие группы:

1 группа – нервно-психическая неустойчивость к явлениям войны, кратковременные нарушения личности воина в боевых условиях, которые выражают неустойчивость нервно-психической организации воина. Сюда относятся расстройства психики от невозможности видеть кровь и истерзанные трупы, переносить резкие звуковые впечатления, неспособности в рукопашной схватке вонзить штык в неприятеля, то есть все те расстройства психики, которые наступают «от ужасов войны» – формы военных неврастений, истерий и т. д.

2 группа – скоротечные психозы. Они протекают в течение короткого времени (от 2–3 дней до месяца), быстро проходят и дают полное психическое выздоровление. Лица, их пережившие, нуждаются в лечении в психиатрических госпиталях, и возвращаются в ряды армии.

3 группа – острые психозы. Это психозы с течением больше месяца. Они, хотя и излечимы, но требуют более длительного лечения.

4 группа – хронические психозы – неизлечимые [32; 24].

Данная классификация позволила систематизировать влияние боевых впечатлений на психику воина, и осуществлять их грубую диагностику.

Русские военные врачи разработали и практически использовали такие диагностические приемы, которые, по мнению специалистов, и сегодня являются вполне современными. С использованием этих методов были описаны случаи истерического возбуждения, помутнения сознания, реакции бегства, истерической слепоты, глухонемоты, частичного паралича, неврастении, бредовые синдромы с идеями преследования, состояниями острой спутанности по типу сумеречного или делириозного помрачения сознания, устрашающими галлюцинациями, бредом окружения и пленения при неврастенических психозах, депрессивно-ступорозные психозы [10].

В-третьих, нужно было подготовить и сконцентрировать имеющиеся в то время силы специалистов. Так как оказание психиатрической помощи участникам войны российским военным ведомством не планировалось, организацией психиатрической помощи занялся Российского Красного Креста, при котором весной 1904 г. была создана специальная комиссия под председательством директора Медицинского департамента В. К. Анрепа. В состав комиссии вошли авторитетные специалисты: Н. Н. Реформатский, М. Н. Нижегородцев, П. М. Автократов, В. Н. Сиротинин и В. М. Бехтерев. Бехтерев практически руководил всей деятельностью комиссии. Комиссия сделала прогноз о том, что возможное число душевнобольных в войсках, требующих специализированной помощи, может составить до 1500 человек в год. Как было показано выше, прогноз оказался довольно точным. Комиссия также разработала общий план организации психиатрической помощи на театре военных действий. План предусматривал организацию двух типов лечебных заведений для душевнобольных военнослужащих: 1) лечебных стационаров, расположенных недалеко от действующей армии, для больных, требующих

стационарного лечения на протяжении 1–2 месяца, с последующим решением вопроса о возвращении их в строй или эвакуации во внутренние округа; 2) этапные пункты или приемные покои для кратковременного помещения больных, нуждающихся в отправке в психиатрические отделения госпиталей глубокого тыла. Кроме того, при полевых учреждениях предполагалось иметь психиатрические покои для первичного осмотра, предварительной диагностики и скорейшего отправления душевнобольных в ближайший психиатрический стационар. Благодаря этому, создавалась возможность непрерывного наблюдения за каждым больным от передовых позиций до центральных районов России [21, с. 231–235].

В-четвертых, было необходимо создать действующую *систему психолого-психиатрической помощи, обеспечивающую преемственность лечебных мероприятий на всех ее этапах*.

По рекомендации В. М. Бехтерева практическое осуществление разработанного комиссией плана создания системы психиатрической помощи участникам войны было поручено П. М. Автократову. Однако в силу ряда причин реализовать этот план в полной мере не удалось [21].

Тем не менее именно в нашей стране к концу Русско-японской войны впервые в истории была создана целостная система оказания психолого-психиатрической помощи участникам боевых действий. Эта система включала *шесть последовательных этапов (эшелонов)* [9, с. 1012; 10, с. 46–47].

Первый эшелон составляли военные врачи-психиатры, должности которых вводились в штаты медицинских частей. Вдоль линии фронта была развернута сеть амбулаторных пунктов, в состав которых входили психиатр или невролог, которые занимались вопросами мозговых травм, помощник врача и группа из трех ассистентов.

Второй эшелон составляли психиатрические отделения, созданные в военных госпиталях.

Третий эшелон был представлен полевым психиатрическим приемным покоем, дислоцировавшимся сначала в Мукдене, а позже – в Гунчжулине. Помощь психотравмированным воинам и их эвакуацию в госпитали осуществляли врач-психиатр и были восемь санитаров.

Четвертый эшелон включал общие палаты госпиталей. Позже было открытое психиатрическое отделение сводного военного госпиталя № 1 в г. Харбин. Это отделение возглавлял известный врач, доктор медицины Е. С. Боришпольский. За период существования отделения через него прошло 228 человек (70 офицеров, 158 нижних чинов).

В декабре 1904 г. под руководством П. М. Автократова в Харбине был открыт центральный психиатрический госпиталь и организованы специальные поезда для эвакуации душевнобольных [16, с.24]. Госпиталь рассчитывался на оказание помощи 50-ти психотравмированным (15-ти офицерам и 35-ти нижних чинов). В штат госпиталя входили 10 врачей (четыре – от Красного Креста и шесть – от военного ведомства), 10 фельдшеров, четыре сестры милосердия, 40 служителей и 25 человек дворовой команды. За время функционирования госпиталя (с 15 декабря 1904 г. по 18 марта 1906 г.) через него прошло 1347 психотравмированных военнослужащих (275 офицеров и 1072 нижних чинов) [16, с.25]. Пациентами госпиталя были преимущественно лица с симптомами эпилептических, алкогольных и травматических психозов, прогрессивных параличей. Большинство из них находилось на излечении около двух недель. Но в боевой строй возвращалось лишь единицы.

Описанная выше система психолого-психиатрической помощи не справлялась с возрастающим объемом лиц с психическими расстройствами. В связи с этим было принято решение о создании *пятого эшелона* психолого-психиатрической помощи, предназначенного для эвакуации пострадавших в тыл и передачи их для лечения в учреждения русского Красного Креста. Пострадавшие эвакуировались в Москву на специальных поездах. Поезда оборудовались изолированными купе, спецпомещениями для буйных больных. Для эвакуации назначалась команда, включающая военного врача из харбинского психиатрического госпиталя и нескольких помощников. К концу войны по однопутному пути от района боевых действий до Москвы 3–4 раза в месяц курсировало несколько поездов для психотравмированных воинов, находившихся в пути 40–45 сут.

За время реализации эвакуационного проекта было отправлено в тыловые госпитали 1349 душевнобольных воинов [16, с.27].

Шестой эшелон системы психолого-психиатрического вспомоществования участникам боевых действий составляли специализированные психиатрические лечебные учреждения глубокого тыла.

В процессе практического функционирования этой системы был выявлен так называемый «*синдром эвакуации*». Он проявлялся в том, что чем дальше пострадавшие удалялись от линии фронта, тем меньше желания и шансов избавиться от болезни и вернуться в боевой строй у них оставалось [4]. В том числе и по этой причине эффективность психолого-психиатрической помощи составляла около 23% (из 1347 пострадавших, находившихся в харбинском госпитале 1037 были эвакуированы в тыл).

Выявление и осмысление «синдрома эвакуации» привело к формулировке первого в истории *принципа организации* системы психологического вспомоществования участникам боевых – *принципа приближения психологической помощи к району боевых действий*.

Многие специалисты крайне низко оценивали качество «человеческого материала», поступающего в войска. Среди лиц, призванных на военную службу, наблюдалось немалое число страдающих эпилепсией, алкоголизмом, заболеваниями головного мозга. Отсутствие элементарного отбора людей приводило к тому, что значительное число призванных в ряды армии, отправлялось назад за тысячи километров.

К. И. Дружинин показал, что даже в такую важную когорту военнослужащих, определяющую успех в решении боевых задач, как разведчики, нередко набирались негодные люди. Мысли Дружинина о требованиях, предъявляемых к психологическим и боевым качествам разведчика, могут быть вполне названы одной из первых в мире программ.

В интересах повышения качества отбора контингентов, П. А. Кавтарадзе впервые разработал опросник для структурированной беседы с новобранцами [19, с. 33]. Опросник позволял получить информацию о таких важных характеристиках новобранца, как национальность и религия, род занятий новобранца до службы, его семейное и материальное положение, степень умственного развития и грамотности, умственные, эмоциональные и волевые способности, честолюбивые инстинкты. Многие из вопросов опросника и сегодня используются для социально-психологического изучения личности в системе психологического отбора военнослужащих.

Достижения и проблемы военной психиатрии, медицины, управления в годы Русско-японской войны были глубоко проанализированы отечественными военными мыслителями, которые пришли к пониманию необходимости и важности создания военной психологии не только как теории, но и как действенной практики. В 1908 г. группа инициативных офицеров в рамках Общества ревнителей военных знаний создали Отдел военной психологии под руководством Г. Е. Шумкова. Это было первое в истории военно-психологическое сообщество. В него входили люди, считавшие себя военными психологами. Среди них Н. Н. Головин, Р. К. Дрейлинг, К. И. Дружинин, В. Н. Полянский, Г. Е. Шумков и др. Н. Н. Головин защитил первую в мире военно-психологическую по своему содержанию диссертацию.

Члены Отдела военной психологии разработали и разослали участникам Русско-японской войны специальную анкету об их впечатлениях и переживаниях в ходе боевых действий. Это было, пожалуй, самое масштабное исследование в то время. Полученные ответы на вопросы анкеты позволили получить точное и детальное представление о характере влияния боя на психику воина, о психологических факторах, определяющих его боевую активность.

В трудах членов Отдела [6–8; 17; 22–24; 27], вышедших сразу после войны, были сформулированы важнейшие теоретико-методологические положения о предмете, задачах, методах и принципах военной психологии. Выходящие военно-психологические труды активно обсуждались на заседаниях отдела, в публичных изданиях.

Таким образом, рассмотренные факты, отражающие приоритет российских военных психологов в области разработки теоретико-методологических положений, касающихся предмета,

задач, методов, принципов военной психологии, осмысления характера влияния боя на психику и поведения воинов, практической организации психолого-психиатрической помощи участникам боевых действий, создания первого военно-психологического сообщества и проведения первого масштабного военно-психологического исследования позволяют утверждать, что Русско-японская война является колыбелью мировой военной психологии.

Теоретические и практические военно-психологические наработки российских специалистов того времени сохраняют свою актуальность сегодня и содержат важные и актуальные военно-психологические уроки. К числу таких уроков относятся следующие императивы.

Во-первых, любая война содержит элементы непредсказуемости и может стать серьезным испытанием психологических, моральных и физических сил военнослужащих. Отсутствие ясных целей и смысла в военных действиях, непопулярность войны в сознании народа, удаленность полей сражений от центров общественной жизни, большие боевые потери неизменно сопровождаются ростом масштабов психотравматизации военнослужащих.

Во-вторых, для того чтобы не столкнуться во время войны с деморализующим фактором психологических потерь, необходимо в мирное время иметь разработанные планы, схемы, готовые к использованию средства оказания психолого-психиатрической помощи участникам боевых действий.

В-третьих, военные психологи и психиатры в мирное время должны готовиться к работе по психологическому вспомоществованию военнослужащим в боевой обстановке.

В-четвертых, идеи, находки, проверенный опыт решения конкретных задач необходимо фиксировать в боевых документах, уставах, наставлениях, руководствах, учебных программах учебных курсов. Это необходимо потому, что добытые в ходе Русско-японской войны кровью и потом знания о психологических закономерностях боя, необходимости отбора новобранцев, психологической подготовки военнослужащих, психологической помощи психотравмированным воинам были после окончания войны частично не поняты, частично забыты, частично игнорированы. В результате этого в годы Первой мировой войны они оказались в большей мере невостребованными.

Усвоение этих уроков и их учет в деятельности органов государственного и военного управления, командиров и военных психологов является необходимым условием достижения победы над противником и в современных войнах. Опыт Русско-японской войны не должен исчезнуть бесследно. Он должен и может служить на благо России [10, с. 53].

Литература

1. Ардан дю Пик. Исследование боя в древние и новейшие времена. Варшава. 1902.
2. Байков Л.Л. Свойства боевых элементов и подготовка войск к войне и бою. Одесса, 1910.
3. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1978.
4. Габриэль Р. Героев больше нет: умственные расстройства и проблемы военной психиатрии в условиях войны : пер. с англ. Нью-Йорк, 1986.
5. Гладких П. Ф. Медицинская служба русской армии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2016. № 3. С.5–17.
6. Головин А. А. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека, как бойца. СПб., 1907.
7. Дрейлинг Р. К. Военная психология как наука / Р. Дрейлинг // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 165.
8. Дружинин К. И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1910.

9. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Психологическая помощь военнослужащим в боевой обстановке. М. : ВУ, 2016.

10. Караяни А. Г. Военная психология: учебник и практикум для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2023.

10а. Караяни А.Г. Россия – родина военной психологии. В сборнике: История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее. Материалы международной конференции по истории психологии. Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник. Москва, 2023. С. 211-218.

11. Кампеано М. Опыт военной психологии, индивидуальной и общей / Пер. с фр. СПб., 1902.

12. Корф Н. А. О воспитании воли военачальников. Общество ревнителей военных знаний. Кн. 1. 1906.

13. Корф Н. А. О желательных изменениях в строевом пех. Уставе. Общество ревнителей военных знаний. Кн. 2. 1907.

14. Кукреш В. А., Прокаева В. А. Плакаты времен русско-японской войны как средство информационно-психологического воздействия (1904–1905 гг.) // Молодой ученый. 2014. № 11.1. С. 14-16. URL <https://moluch.ru/archive/70/12042/> (дата обращения: 07.06.2018).

15. Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–905: Итоги войны. 2-е изд. СПб. : Полигон, 2002.

16. Макичян А. А. Организация медицинской помощи душевнобольным воинам во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке 2014. № 2. С. 23–31.

17. Полянский В. Н. Моральный элемент в области фортификации. СПб., 1910. С. 38.

18. Сенявская Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999.

19. Феденко Н. Ф., Раздубов В. А. Русская военная психология (середина XIX – начало XX в.) / Н. Ф. Феденко, В. А. Раздубов. М., 1999.

20. Фридлиндер К. Несколько аспектов shellshock'a в России. 1914–1916 // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 315–325.

21. Шамрей В. К., Чудиновских А. Г., Апчел В. Я., Ильинский Н. С. Вклад В. М. Бехтерева в становление и развитие отечественной военной психиатрии // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2013. № 3 (43). С. 231–235

22. Шумков Г. Е. Психика бойцов во время сражений. СПб., 1905. Вып. 1.

23. Шумков Г. Е. Неврозы войны // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1906. № 6. С. 1180–1199.

24. Шумков Г. Е. Первые шаги психиатрии ввремя русско-японской войны за 1904–1905. Киев, 1907.

25. Шумков Г. Е. Рассказы и наблюдения из настоящей русско-японской войны. Киев, 1906.

26. Шумков Г. Е. Пьяная храбрость или алкоголь в бою // Общество ревнителей военных знаний. 1909. №1.

27. Шумков Г. Е. Предмет и область военной психологии // Русский инвалид. 1910. № 270.

28. Шумков Г. Е. Чувство тревоги, как доминирующая эмоция в период ожидания боя // Военный сборник. 1913. № 5/6. С. 95–100.

29. Шумков Г. Е. Воины, потерявшие страх // Военный сборник. 1913. № 3.

30. Шумков Г. Е. Душевное состояние воинов после боев // Военный сборник. 1914. № 11. С. 103–126.

31. Шумков Г. Е. Эмоции страха, печали, радости и гнева в период ожидания боя // Военный сборник. 1914. № 2. С. 109–118.

32. Шумков Г. Е. Душевнобольные на войне: о практическом подразделении душевных заболеваний на войне // Военный сборник. 1915. № 7.

33. Bosc N. Historical development of psychology in Japan // The Centre for Psychological Studies in Tokyo. Tokyo, 2010. URL: http://www.psychologie-tokyo.com/psy_japan_eng.pdf (дата обращения: 17.06.2018).

34. Military psychology: Clinical and Operational Applications // ed. by C. H. Kennedy, T. A. Zillmer. N.-Y. ; L. : The Guilford press, 2006.

35. Nishikawa Ya. An overview of the history of psychology in Japan and the background to the development of the Japanese Psychological Association // Japanese Psychological Research. 2005, Volume 47, No. 2, 63–72.

36. The Oxford Handbook of Military psychology // ed. by J. H. Laurence, M. D. Matthews. N.-Y. : Oxford university press, 2012.

MILITARY PSYCHOLOGICAL LESSONS OF THE RUSSIAN-JAPANESE WAR

Karayani A.G., Kiiko A.Yu.

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation

Abstract

The article analyzes the process of the birth of military psychology as a science and practice during the Russian-Japanese War. The experience of organizing medical and psychological assistance to war veterans is analyzed. The directions of the research activities of military scientists of the wartime are shown. The organizational work of the first military psychologists is revealed. The psychological problems of the Russian-Japanese war are revealed. The lessons from the Russian-Japanese war are derived for today's military psychology.

Keywords

Russian-Japanese war, military psychology, the origin of military psychology, history of military psychology